

Валерий Брюсов

**Письма В. Я. Брюсова Г.
Чулкову**

Валерий Яковлевич Брюсов

Письма В. Я. Брюсова Г. Чулкову

«Дорогой Георгий Иванович. Спасибо, что Вы вспомнили именно обо мне. Ваше письмо пришло ко мне лишь на этой неделе, пропутешествовав больше месяца. Вы не будете очень гневаться, что я промедлил несколько дней исполнить Ваши поручения. Тем более, что, вероятно, Вы получили уже книги, переданные мною для Вас (раньше В. письма) Кларе Борисовне Р....»

**Письма В.Я. Брюсова Г.
Чулкову
(Примечания Г. Чулкова)**

Ноябрь 1902

Дорогой Георгий Иванович. Спасибо, что Вы вспомнили именно обо мне. Ваше письмо пришло ко мне лишь на этой неделе, пропутешествовав больше месяца. Вы не будете очень гневаться, что я промедлил несколько дней исполнить Ваши поручения. Тем более, что, вероятно, Вы получили уже книги, переданные мною для Вас (раньше В. письма) Кларе Борисовне Р.[1], так что первый Ваш читательский голод утолен. Посылаю Вам для начала последнюю книгу Верхарна и Монну Ванну[2] новейшее издание Скорпиона. Это первая посылка, за которою последуют дальнейшие. Думаю, что Вам не интересно было бы получить всего Верхарна[3]. Он написал чрезвычайно много, и у него немало скучного. Еще две его книжки я выписал для Вас, они придут через две недели. Доставлю Вам любопытный роман Пшибышевского «Ното sariens», если только его пропустит цензура. Он уже напечатан, но цензура его задержала. Быть может, удастся нам его провести.

В литературе чрезвычайно мало нового.

Этот год как-то особенно скуден. Аннунцио еще весной издал драму о Франческе и Паоло, – на мой вкус слишком длинную и археологическую. Мережковский напечатал второй том своих исследований об Антихристе в русской литературе, – то, что печаталось в Мире искусства. Интересует ли Вас эта книга? Если да, пришлю ее Вам. Около него же, т. е. около Мережковского, возникает в Петербурге новый журнал «Новый путь», полулитературный (конечно, нового направления) и полурелигиозный, богословский. Это «полу» его погубит. Впрочем в петербургском обществе религиозное движение очень явное.

В Москве затишье. Художествен, кружок влачится по старым бороздам. По выбору дирекции устроена «Комиссия по организации вторников». Непостижимой случайностью попал туда и я. Мы собираемся и болтаем пустяки. Ах, не люблю я «комиссий» и всяких «собраний». Мое твердое убеждение, что делать что-либо возможно только по личной воле, а все коллегиальное, все, где будто бы работают сразу многие, – есть самообман; работают все же единицы, а собирающиеся

только тешатся. Этот год в кружке собирается быть скучным.

Теперь обо мне. Летом уезжали мы в Италию. Страна, которая публично торгует своей красотой, но все же удивительно прекрасная. Вновь в Москве уже с июля. Очень томлюсь однообразием жизни, т. е. однообразием ее разнообразия. Те же волнения, то же блаженство, такое же отчаяние. Хочется взять тросточку и уйти, просто уйти вперед без цели, идти и не думать, не заботиться. А удерживает именно забота: написал я множество стихов, хочется их оформить, привести в порядок, издать.

Ваш сердечно Валерий Брюсов

II

Paris, 8 mat 903

Привет, дорогой Георгий Иванович. Очень Вами интересуется здесь А.С. Яценко[4]. Пишите ему. Он полюбился мне еще больше с тех пор, как я узнал его здесь больше. Эх! Уезжайте и Вы в Париж. Здесь можно жить и работать. Это один из истинно мировых городов, т. е. для всех.

III

Уважаемый Георгий Иванович. Посылаю Вам Вашу статью[5] с той небольшой «ретушью», которая нам показалась необходимой. Именно: мы пропустили несколько строк, где перечисляются довольно случайно сопоставленные имена Уистлера, М. Дениса, Шопена и др. и несколько строк в конце, где очень недоказательно утверждается (впрочем совершенно справедливая мысль), что Пушкин и Лермонтов были причастны этому чувству и вкусу вечности. Другие поправки ничтожны и касаются слов, напр., в начале слово «момент» заменено словом «мгновение» и т. п. Почти везде пропущено выражение «символическая» поэзия, поэт-«символист» и т. п., ибо мы ни в коем случае «символистами» себя не считаем[6].

Что до заглавия, то, конечно, «Накануне» невозможно. Но и предложенное мной «Le gout de l'infini» («Вкус вечности» (фр.)) не очень хорошо.

Что, если оставить статью вовсе без заглавия, а эти французские слова поставить эпи-

графом? На этот случай сообщите точно, из какой вещи у Бодлэра они взяты[7].

Очень просим не замедлить ответом. Статья идет в первом листе, который надо уже подписывать к печати.

Ваш Валерий Брюсов

IV

1904

Дорогой Георгий Иванович. Уступая просьбам Вяч. Иванова, посылаю Вам свои стихи о современности.

Ему кажется, что они нужный pendant к его стихам. Мне мои стихи не нравятся. Решайте Вы и Дм. Вл.[8] Втайне желаю, чтобы мои стихи были осуждены.

Прилагаю обменное объявление.

Готовлю для Н. П. важную рецензию и большую (сравнительно) переводную вещь в стихах.

Ваш Валерий Брюсов

V

1904, июль

Уважаемый Георгий Иванович. Во вчераш-

нем письмо, написанном очень наспех, я забыл добавить, что если мои стихи не могут успеть идти вместе с стихами Вяч. Иванова, то лучше им вовсе не идти.

Стих 9-й: поправка для цензуры вместо подлинного:

Кто б ни был вождь, где б ни был случай.

Да. Кстати. В объявлении нашем опечатка: не von Bever, а van Bever (Соответствующее, под стать, равное чему-либо (фр.)).

Пожалуйста, исправьте.

Ваш Валерий Брюсов

VI

Пятница, 9 июля 1904

Дорогой Георгий Иванович, Серг. Алекс.[9] уехал неожиданно в Омск. Я приехал, не зная этого, только сегодня.

Телеграмма Ваша, хотя и срочная, пришла в 12 часов дня. Итак, исполнить Вашего поручения не мог[10] – и на похоронах Чехова не был (не люблю я, когда великого человека хоронят маленькие, т. е. не люблю любоваться на это).

Стихи в августе ни в коем случае не печатать.

тайте. Бросьте их. Вы один в Н. П., я один в «Весах». Ровно один. Я и наш Василий. Ни сотрудников, ни помощников.

Да. Если будете перепечатывать первые страницы Н.П., обратите внимание на объявление «Скорпиона». Это устарелый список. Посылаю Вам правильную редакцию. Нельзя ли получить Ваше июльское объявление заранее, не позже как к 15.

Сердечно Ваш Валерий Брюсов

P.S. 600 оттисков «Гнили»[11] тем не менее сделайте в том самом виде, как будет напечатано в журнале. Адрес Бальмонта? Европа.

VII

1904

Дорогой Георгий Иванович. Очень досадно, что Вы дважды не заставали меня дома. Нам было о чем поговорить. Но я последние недели мучительно заняты «Весами» и (удивляйтесь) выборами в нашу Думу, в которых принимаю деятельное участие. Посылаю Вам вырезку «Русс, слова», подтверждающую мои слова. Итак, не сердитесь на меня. Напрасно Вы не оставили своего адреса: я бы сообщил

Вам, где меня можно увидеть, а то я подумал, что Вы в Москве на один вечер. Другой раз самое лучшее, прошу Вас об этом, извещайте меня заранее о своем приезде в Москву – и я приберегу для Вас свободное время.

Посылаю Вам опять стихи – увы! Опять в античной одежде, но право с содержанием очень современным. Все не удастся мне закончить лучшей из предлагаемой мною для Н. Пути вещи: «Царь, народ и поэт» (может, будет называться и иначе – это приблизительно). Опасения мои относительно «Кинжала»[12], к сожалению, оправдываются. «Русь» (N от 13 ноября) и «Русс. вед.» (N от 16 ноября) относят его прямо к нашим дням, когда дают предостережения «Нашей жизни» и «Праву» и когда студенты в Москве не могут придумать ничего лучшего, как отговаривать солдат идти на войну или освящать народный гимн (в это воскресенье). Нет, я не это разумел, говоря о призывном громе. Скорей это те самые «зовы», над которыми можно только хохотать.

Сердечно Ваш Валерий Брюсов

VIII

Дорогой Георгий Иванович. Знаю, что поступил безбожно, не прислав до сих пор Мятēja. Сам редактирую журнал и знаю, что такое авторская неаккуратность. Но дело вот в чем. Во-первых, самые стихи Верхарна не очень хороши и в переводе становились уже совсем тусклыми. Во-вторых, мой перевод был не особенно удачен и очень неровен: то без нужды близок к слабым местам подлинника, то пропускал лучшие строки французского текста. Исправить было его необходимо. Мне это удалось сделать только сегодня. Сегодня Вам его и посылаю. В конце концов перевод настолько удалился от оригинала, что я не осмеливаюсь поставить помету «Из Верхарна».

Не лучше ли просто эпиграф? Но если такая помета нужна для цензуры, конечно, пусть она стоит в казнь мне (и тогда не нужно эпиграфа). Подлинник Вы найдете во второй серии *Roemes*, V, изд. Мегсиге, стр. 149. Посылаю это письмо для скорости простым, не заказным, поэтому не откажите ответить, получили ли. Очень вероятно, что стихи уже

опоздали к январской книжке. В таком случае я думаю лучше их вовсе не печатать, так как они интересны как злободневный намек, а самостоятельной цены – ни как стихотворения, ни как перевода – в них нет.

У З.Н. есть мой перевод Ворона Эдг. По[13], назначенный для «Вопросов жизни». Нельзя ли Вам добыть его? Перевод далекий, но одобрен двумя «авторитетами», К. Бальмонтом и Н. Минским.

Сердечно Ваш Валерий Брюсов

P.S. Во 2-й строфе последняя строка «в умах» (через «м»), ради Бога не в «ушах».

IX

1905, февраль

Уважаемый и дорогой Георгий Иванович. Спасибо за N «Вопросов» и за гонорар (27 р.), который получил с аккуратностью изумительной. Мучительные занятия по «Весам» и чисто личные переживания все не дают мне закончить те стихи, которые я давно прочу для «Вопросов». Пока предлагаю Вам одно из классических стихотворений, в духе Шиллеровских баллад, сколько могу судить, без-

укоризненное по форме, но несколько холодное и отрешенное от жизни[14]. Располагайте им по своему усмотрению.

Хочу предложить «Вопросам» свои новые попытки (о, совсем новые) писать рассказы.

Сердечно уважающий Вас Валерий Брюсов

Х

1905, март

Уважаемый и дорогой Георгий Иванович. Спасибо за память. Рецензию Мирэ[15] еще не имел времени просмотреть. Если не подойдет, верну по адресу. Но, если подойдет, «Весы» оставляют за собой право сократить ее. Очень спасибо за желание дать ряд моих стихов. Но сейчас ничего нет: все роздал или уже напечатал. Если напишется – пришлю. А не хотите ли ряд переводов из Верхарна? В том числе переводы таких поразительных вещей, как «Мор», «Звезды», «Мадонна на перекрестке». Рассказ мой написан, да все некогда придать ему окончательную форму. Задерживают «Северные Цветы», где печатаю свою драму.

Сердечно уважающий Вас Валерий
Брюсов

XI

1905, апрель

Уважаемый и дорогой Георгий Иванович. Благодарю за полученный гонорар. Верхарна пришлю вскорости – с маленькой вступительной заметкой (страницы 2). Если мое P.S. было Вам невнятно[16], значит, должен был обратиться его к кому-то другому. Мне показалось, что это Вы спрашивали меня, что значит один стих в моем стихотворении «Фонарики», отданном для чеховского сборника.

Сердечно Ваш Валерий Брюсов

XII

18 мая 1905 г.

Дорогой Георгий Иванович. Я получил письмо и деньги для Андрея Белого, – получил с некоторым опозданием, п.ч. Ваш конверт почему-то был разорван, деньги выпали, и мне их выдали на почте не без некоторых «процедур». Сегодня пишу Белому, спрашивая, как ему переслать деньги – ибо он живет в имении, так что в общем свой гонорар он

получит лишь в конце недели, но, право, не по моей вине.

Очень спасибо за песни Метерлинка[17]. Еще не успел перечитать ваши переводы, впрочем знакомые мне по «Новому пути». Издание – прекрасно. Французский оригинал давно библиографическая редкость и книжка должна «пойти» за границей. Прошу рецензировать ее для «Весов» Вяч. Иванова[18].

Верхарн все еще не готов. Мне хочется представить русским читателям его поэзию более или менее полно – сразу в 5–6 разнохарактерных образцах. А иное никак не удастся воспроизвести по-русски. Хочется также предпослать переводам вступительные слова, – о, простые и деловые, – в которых объяснить, кто и что такое Верхарн. Думаю, однако, что в начале июня весь материал будет в ваших руках.

Раньше этого хочу Вам предложить несколько своих стихотворений, которые, если хотите, могут идти и в летние месяцы. Это античные образы, оживленные однако современной душой. Все говорят о любви. Полагаю, что и в дни, когда погибла эскадра Роже-

ственского, а с нею пошла ко дну и вся старая Россия (ныне и я должен признать это), – любовь остается вопросом современным и даже злободневным. – Эти стихи вышлю Вам вскоре, завтра, послезавтра.

Через неделю, числа 27, буду проездом в Петербурге. Если Вы к тому времени будете еще в городе, позвольте посетить Вас.

Тогда и передам Вам лично то, что уже готово из переводов Верхарна.

Сердечно Ваш Валерий Брюсов

P.S. Рассказ, который я обещал «В.ж.», продолжаю доделывать.

XIII

12 июня 905 г.

Дорогой Георгий Иванович. Хотел я много сделать летом, но де сделал ничего – и ничего не работается. Покорюсь судьбе. Очень прошу, если есть в редакции письма на мое имя с передачей Н.И.С.[19], переслать их сюда: Финляндия, Иматра, пансион Рауха.

Ваш. Валерий Брюсов

XIV

20 июня 905

Благодарю за журнал. Помните ли Вы наши мечты о Верхарне (издать совместно переводы)? Ныне занят им. Напишу из Гельсингфорса. До июля мой адрес: Гельсингфорс, poste restante. После – Москва.

Валерий Брюсов

XV

23 июня 905

Дорогой Георгий Иванович. Спасибо за весть. Не знаю, воспользуюсь ли Вашим приглашением. Может быть, придется ехать через Ревель. Жду Вашего перевода Aubes[20]. Занят своим романом. Привет.

Ваш Валерий Брюсов

XVI

29 июля 1905 Таруса, Калуж. г., Антоновка

Дорогой Георгий Иванович. Я написал подробный разбор Ваших переводов Метерлинка – целую статью[21]. Решил напечатать в июле «Весов» – вместе со своими переводами тех же «Песен». Думаю, что моя статья, хотя в иных своих частях и Очень «критиче-

ская», не покажется Вам враждебной. Во-первых – Вы, конечно, уступаете ее право критике. Во-вторых – посвящая Вашим переводам целую статью (притом напечатанную – хотя, сознаюсь, против моего желания – крупным шрифтом), я тем самым показываю, какое значение придаю я этим переводам. В-третьих – наконец, присоединяя к статье свои переводы, я предоставляю Вам возможность ответить мне такой же критикой моих попыток.

А переводы Верхарна все не подвигаются вперед. На горе я взялся переводить для С. Венгерова (изд. Брокгауза) Байрона и после этой официальной переводческой работы чувствую себя не в силах взяться и за «любительские» переводы. Ближайшим образом предложу для «Вопросов» два рассказа: «В подземной тюрьме» и «Республика Южного Креста», которые требуют только самой последней ретуши. Пишу роман, исторический, соперничая с Д.С.[22] Оставляю (т. е. покидаю) редакторство «Весов».

Сердечно Ваш Валерий Брюсов

20 августа 1905

Дорогой Георгий Иванович. Одновременно с этим письмом посылаю Вам заказным семью своих «политических» стихотворений[23], все, что я написал в этом роде и что теперь, после заключения мира, может быть напечатано. Рассмотрите их. Помещение их в «Вопросах» зависит, конечно, не только от художественных достоинств и недостатков стихов, но и от того, насколько идеи их согласны со взглядами редакции. И в этом случае, как впрочем и во всех других, мое самолюбие нисколько не будет затронуто, если Вы не захотите напечатать присланное мною (говорю это однажды – на будущее). В частности, думаю, совсем не подходят «Вопросам» два стихотворения, N 3 и N 6. Последнее даже не следует посылать цензору одновременно с другими (если эти другие будут посылаться), а то оно может их погубить. А для N 3, мне кажется более подходящим приютом, чем «Вопросы» – «Слово», куда я его и перешлю, если получу от Вас рукопись обратно.

«Весы» будут продолжаться до конца года,

наверное, в будущем году, вероятно, особенно если получится разрешение на беллетристический отдел (прошение о нем уже подано). Но я решительно покинул свое редакторство, оставаясь только «близким» (а уже не «ближайшим») сотрудником. Через это у меня оказалось сравнительно много свободного времени, которое я с удовольствием бы использовал для «Вопросов». Но нуждаются ли «Вопросы» в моей систематической работе? Опять прошу, ответьте откровенно и прямо: это вопрос деловой, в разрешении которого нет места никакой обидчивости. С своей стороны могу предложить следующее:

Во-первых, ряд давно мною задуманных этюдов о французских поэтах с переводами из них. На первом месте этюд о Верлэне, по разным, довольно редким источникам, тридцать его стихотворений в своем переводе (переводы сделаны между 1900 – 5 гг. и частью уже были напечатаны). Во-вторых, такой же этюд о Верхарне тоже с рядом переводов (эти пресловутые мои переводы из Верхарна значительно подвинулись вперед и две маленькие пьесы «Голова» и «Лондон» я уже

послал в «Журнал для всех»). В-третьих, этюд о Рембо, в-четвертых, о Ренэ Гиле (более интересный, чем в «Весах», где я должен был только расшаркиваться) и т. д.

Во-вторых, свой труд как переводчика разных мелких рассказов, какие Вы от времени до времени печатаете, как новых, так и прежних авторов. Труд этот для меня совершенно нечувствительный. Напротив, мне давно хочется передать по-русски некоторые любимые мною страницы Ренье, Маллармэ, Стриндберга, Демеля.

В-третьих, свои рассказы, о которых я уже Вам писал и о которых не смею говорить подробнее, потому что они все еще не закончены.

Предлагая Вам такую грудку своих писаний, я нисколько не хочу посягать на кассу «Вопросов», вероятно, истомленную годовым изданием журнала. Так, все мои переводные стихи (из Верлэна, Верхарна) я очень прошу расценивать как прозу; иначе такое количество стихов будет решительно бременем для книжки. Свои переводы рассказов я предлагаю «Вопросам» совершенно бесплатно, по-

тому что для меня эти переводы будут скорей всего забавой. Я только спрашиваю, нужны ли, пригодятся ли такие переводы редакции, есть ли для них место. И вообще, если бы Вы предложили мне какое другое дело, нужное «Вопросам», прошу не считаться с гононарным вопросом, который стоит для меня весьма на втором плане.

Книжку «Весов» с моими нападками на Ваши переводы Вы, вероятно, уже получили. Жду Вашей отповеди в «Вопросах» или хотя бы в письме. Мне кажется, что я поставил несколько принципиальных вопросов, по которым возможна истинная полемика, «турнир рыцарей», как пишет малограмотный Эллис у нас в «Весах».

Сердечно Ваш Валерий Брюсов

XVIII

21 авг. 1905 г.

Дорогой Георгий Иванович. Стихотворение, о котором я Вам писал как о N 7, я решил пока не печатать. N 6, как Вы сами видите, совершенно нецензурен. В N 4 в третьей строфе прежде читалось:

Лишь его слуга мгновенный, Робеспьер
или Мара[24].

Так понятнее. Но мыслимо ли мне сказать
или? Кажется, немислимо. В следующей стро-
фе подлинное чтение:

И над нами загудела

«Над полем» лишь для цензуры. Если хоти-
те, можно восстановить подлинное чтение
после цензора, в корректуре.

P.S. А. М.[25] пишу завтра.

XIX

24 авг. 1905 г.

Дорогой Георгий Иванович. Я мог бы дать
для сентября следующие переводы из Верхар-
на:

1. Depart. (Poemes, II, 141) («Исход» (Поэмы)
(фр.))

2. Le Banquier. (Les Forces tumultueuses, 47)
(«Банкир» (Буйные силы) (фр.))

3. Le Fleau. (Les Villes tentaculaires, 75)
(«Мор» (Города-спруты) (фр.)).

4. Les nombres. (Poemes, II, 187) («Числа»
(Поэмы) (фр.))

5. Vers le Futur. (Les Villes tentaculaires, 209)
(«К будущему» (Города-спруты) (фр.)) Эти пе-

реводы могут быть у Вас приблизительно к понедельнику. Везде только придется исключить «Les nombres», где есть стихи, мне не удавшиеся. Перевод «Кузнеца» (того, что был напечатан в сборнике Знания IV), я, по просьбе Миролубова, послал в «Журнал для всех», но думаю, что он не подойдет ему (слишком длинно и много «декадентского»), тогда буду располагать и им. Сообщите же, прошу, высылать ли эту грудку стихов. И как тогда быть со стихами «Из современности»? Нельзя же в одной книжке «Вопросов» напечатать столько стихов одного Валерия Брюсова. А с другой стороны, современность через несколько месяцев перестанет быть современностью, и для меня лично гораздо важнее напечатать свои оригинальные стихи, чем переводы.

Вы правы. Патриотизмом, и именно географическим, я страдаю. Это моя болезнь, с разными другими причудами вкуса, наравне с моей боязнью пауков (я в обморок падаю при виде паука, как институтка). У меня есть еще начатое и неоконченное (уже безнадежно) стихотворение, которое очень нравилось

тому самому А.С. Яценко[26].

Я люблю тебя, Россия, за торжественный простор: Ты как новая стихия, царство рек, степей и гор...

Четыре стиха Вл. Соловьева, приведенные Вами, меня очень соблазнили.

Жду Вашего ответа на свои «Фиалки»[27] (печатного, не правда ли?). Статью о Верлэне приготовлю точно к октябрю. Но Вы мне ничего не ответили, полезны ли будут Вам переводы маленьких рассказов (сейчас имею в виду новейший рассказ Альтенберга). Речь может быть только о полезности, и я настаиваю на бесплатности этих моих переводов.

Сердечно Ваш Валерий Брюсов

XX

28 авг. 1905 г.

Дорогой Георгий Иванович. В первые дни недели вышлю Вам Верхарна. «Кузнец» решительно у В.С. Миролубова. Может быть, вместо него переведу «Трибуна» который начат. К октябрю приготовлю Верхарна. О «Цусиме» [28] напишу отдельно. Еще не могу решить, мыслимы ли эти стихи, без конца. М.б., умест-

но будет восстановить прежнее чтение, как заканчивалось стихотворение раньше. Пока шлите в цензуру так. Жду Вас в Москву.

Сердечно Ваш Валерий Брюсов.

XXI

29 авг. 1905 г.

Дорогой Георгий Иванович. Переписываю и во вторник высылаю Вам «Банкира», «Мор» и «К грядущему» Верхарна. Будет у Вас в среду (в крайнем случае, по вине почты, в четверг).

«Трибуна» и «Отплытие» могу выслать не раньше четверга-пятницы. Если поздно, не откажите известить.

Сердечно Ваш Валерий Брюсов

XXII

30 авг. 1905 г.

Дорогой Георгий Иванович. Против ожидания высылаю Вам сразу четыре стихотворения[29] Верхарна: «Трибун», «Банкир», «Мор» и «Города». Больше, вероятно, и не придется высылать, потому что все другие мои переводы, когда их ближе рассмотрел, оказались очень несовершенными. Да и в посылаемых

стихах есть, говоря строго, многое, что нуждалось бы в поправках. Я был бы очень благодарен Вам, если бы Вы нашли возможным выслать мне корректуру этих стихов, хотя бы на то время, когда они будут у цензора: может быть, мне удалось бы найти замены некоторым мучающим меня выражениям. И еще больше был бы благодарен, если бы Вы выбрали время, рассмотрели мои переводы (может быть, даже с подлинником en regard (Напротив (фр.))) и прислали мне свои замечания.

Я столько работал над этими переводами («Мор» впервые переведен в 1900 г.), так «записал» их, что, сокрушаясь над мелкими неточностями, очень может быть, не замечаю крупных промахов.

Предоставляю всецело на Ваше усмотрение, нужно ли общее заглавие моим переводам, а также следует ли оставить то примечание, которое сделано мною к переводу «Мора», или такие оправдания перед читателями неуместны. Смущает меня «Мор» и с точки зрения своей цензурности. Нельзя ли растолковать цензору, что пьеса написана в наме-

ренно наивном тоне, в духе примитивном, что в ней больше младенческой веры, чем кощунства.

А что случилось у цензора со стихами «Из современности»? Замены последней строфы «Цусимы» я не нашел пока. Если уж Вы беспощадны к этой строфе, – зачеркните, соглашайтесь, хотя и не без боли в сердце.

Сердечно Ваш Валерий Брюсов

XXIII

8 сент. 905 г.

Дорогой Георгий Иванович. Меня смущает Ваше молчание. Дошли ли до Вас мои переводы из Верхарна?[30] Посылали ли Вы их цензору? Что он с ними сделал? И со стихами «Из современности»? Простите эти вопросы, но на расстоянии 600 верст трудно не беспокоиться о судьбе своих стихов.

Всегда Ваш. Валерий Брюсов

XXIV

10 сент. 905 г.

Дорогой Георгий Иванович. Ваша весть[31] повергла меня в полное отчаяние. Недаром я

тревожился, и еще вчера писал Вам, спрашивая о судьбе своих стихов. Да, не очень-то помогают нам ули-ты-Кобеки и кастрированные Государственные Думы. Но что теперь делать с обломками моих стихов? «Цусиму», разумеется, печатать неуместно, неприлично. Оставшиеся две пьесы, думается мне, можно напечатать, сохранив (если оно не запрещено) прежнее заглавие и поставив цифры, при первом I, при втором V. Это в связи с анонсом, о котором Вы пишете, и о котором я всячески умоляю Вас – дать понять читателям, что они имеют дело с руинами. Но нельзя ли сделать еще две вещи? Во-первых, отстоять в «Гуннах» зачеркнутую строфу[32], заменив злополучный стих так:

На месте колонного зала

или еще:

На месте пышного зала

В данном случае «тронность» зала не так важна. А во-вторых, нельзя ли присоединить к оставшимся стихам то, которое здесь прилагаю. Оно с самого начала предполагалось в со-

ставе целого цикла, и я изъясил его лишь в последнее мгновение, перед отсылкой Вам рукописи. Если еще мыслимо (в смысле времени) включить эти стихи, они «подопрут» немножко «Гуннов» и «Брата», повисших в пустоте. И тогда над пьесой надо будет поставить VII.

Если переводы Верхарна отложены на месяц, я могу прислать «Отплытие».

Сердечно Ваш Валерий Брюсов

P.S. Если же заглавие «Из современности» запрещено[33], можно дать трем стихотворениям иное. «Стихи о далеком», причем первое «Одному из братьев» будет как бы вступление. Смущаться, что слово «современность» не подходит к стихам о «будущих» веках, я думаю, нечего, если будет анонс и если цифры I, V, VII будут означать пропуск по крайней мере четырех пьес.

Есть, конечно, у меня и другие стихи «Из современности», которые я по разным соображениям не присоединил к первому циклу, но послать их Вам «взамен» теперь, конечно, уже поздно. Впрочем если захотите их иметь, телеграфируйте, и я вышлю их немедленно.

ленно.

Ваш В.Б.

XXV

22 сент. 905 г.

Дорогой Георгий Иванович. Очень благодарю Вас за Ваши хлопоты о моих стихах, за отстаивание их перед секирой цензора. Жаль без конца, жаль, что цикл «из современности» изувечен. Возлагаю некоторую надежду на примечание о «независящих обстоятельствах». Относительно «Мора». Перевод этот я включаю в издаваемый мною (одновременно со Stephanos (Венок (лат.))) сборник переводных стихов, который выйдет до рождества. Судя по вашим словам, редактируемый Вами сборник появится позже. Удобно ли помещать в нем перепечатку? Думаю, нет. По той же причине я бы очень хотел, чтобы мои переводы Верхарна появились именно с октября «В. ж.» (Вы пишете «вероятно»). Я столько работал над ними, торопясь приготовить их к указанному Вами сроку, что мне и грустно и обидно откладывать их появление в свет до конца ноября. Между прочим,

«Мор» очень нужен в том цикле переводов, который я Вам прислал. Остающиеся три стихотворения слишком похожи друг на друга и являют Верхарна лишь с одной стороны. Для ноября же «В. ж.», если хотите, я могу дать серию переводов из Верлэна.

Но участвовать в сборнике, о котором Вы пишете, я все-таки был бы очень рад и с настоящим удовольствием дал бы для него что-либо оригинальное или переводное. Хотел бы точнее узнать о целях и намерениях книги.

Один важный и «конфиденциальный» вопрос: будет ли существовать «В. ж.» в 1906? Спрашиваю для себя, не для «Весов», и клянусь хранить ответ в совершенной тайне.

Ваш сердечно Валерий Брюсов

XXVI

22 сент. 905 г.

Дорогой Георгий Иванович. Приезд Мережковских (которые, в скобках сказать, действительно объявили о конце «Вопросов») совсем выбил меюгиз колеи жизни, и я три дня не мог выбрать времени, чтобы переписать и отослать стихи для «Огней»[34]. Высылаю

теперь два стихотворения, такие, которые не войдут в мою книгу. Это последнее требование (ведь «Огни» и «Stephanos» выйдут почти одновременно) очень меня затрудняет. Не будь его, я мог бы дать вещи гораздо более значительные. Но они не могут уже быть изъяты из моей книги. На всякий случай, завтра вышлю Вам еще одно стихотворение «Рысь». Если появление его в двух книгах сразу неуместно, прошу, не откажите вернуть мне обратно. Мог бы дать для «Огней» еще один перевод из Верхарна («Мятеж» – не тот, что я предлагал для «В. ж.», а другой), но выправление его требует времени. А «Огни» торопятся загореться, не так ли?

Присланное Вами сообщение помещу еще в этом N «Весов», который очень запаздывает из-за стачки наборщиков (ведь Вы хорошо знаете, что в Москве маленькая, пока, революция. Наблюдаю картины любопытные и порой потрясающие). Очень, очень радуюсь, что «Вопросы» будут существовать в 906 [35]. Без них стало бы пусто в литературе. Пригодно ли будет Вам, если я пришлю, как «Письмо из Москвы», корреспонденцию

о двух наших новых театрах: «Студия» (в котором я участвую и которому сочувствую) и «Дионисово действо» (в котором не участвую и которому не сочувствую)?

Сердечно Ваш Валерий Брюсов

P.S. Очень спасибо за гонорар, который получил. Вы приезжаете в Москву читать о «мистическом анархизме»? Так сообщил Д.В. Философов.

XXVII

905, октябрь

Дорогой Георгий Иванович. Приветствую Вас в дни революции. Насколько мне всегда была (и остается теперь) противна либеральная болтовня, настолько мне по душе революционное действие. Впрочем, пока я не более, как наблюдатель, хотя уже и попал под полицейские пули. Пишу Вам вот с какой целью. Когда у Вас возобновятся типографские работы, не пользуйтесь свободой печати (ведь есть она) для напечатания тех моих стихов, которые были запрещены цензурой. Я этого решительно не хочу. Напишу новые, более достойные времени. Но, умоляю, воспользуй-

тесью этой свободой, чтобы напечатать мои переводы из Верхарна. Этого очень хочу. Верхарн воистину революционный поэт, и надо, чтобы его узнали теперь.

Всегда Ваш Валерий Брюсов

XXVIII

10 окт. 905

Дорогой Георгий Иванович. В области искусства никогда не надо говорить «завтра», все сроки ничего не значат. Я думал, что исправлю свои строфы в несколько минут, лишь примусь за это дело, но не сумел исправить их и в неделю. Когда сделаю, не знаю, не обещаю более ничего.

Пишу эту записку, во-первых, чтобы извиниться в своем неисполнении обещаний, а во-вторых, чтобы подать Вам свой голос, пока еще есть связь между Москвой и Петербургом. Она, надо думать, оборвется очень скоро (это из числа неприятных сторон революции). Если почта будет все-таки функционировать, пришлю Вам небольшую рецензию на книгу R. Ghil (Р. Гиль (фр.)). Надеюсь, что это обещание сдержу: это не стихи.

Сердечно Ваш Валерий Брюсов

P.S. Думаете ли Вы быть в Москве?

XXIX

28 окт. 1905

Дорогой Георгий Иванович. Писал Вам, поздравляя Вас с революционными днями, но не получил ответа. Дошло ли письмо? Я здесь в большом неведении. Что «Вопросы жизни»? Будут ли выходить в этом и будущем году? Под цензором или пользуясь «свободой»? Изменится ли программа? Изменится ли состав сотрудников? Изменится ли Ваше отношение к ним? Может быть, некоторые вопросы кажутся Вам легкомысленными, но я больше месяца не получаю ни от кого точных вестей из Петербурга и, по современному ходу событий, легко верю всевозможным слухам. Очень прошу, пришлите мне весть.

Есть и частный вопрос. Среди залпов казаков, между двумя прогулками по неосвещенным и забаррикадированным улицам, я продолжал работать над своим романом[36]. И как-то хорошо работалось (тем более, что в начальных главах пришлось изобра-

жать религиозно-революционное движение в Германии 1553 г.). Теперь надо мне думать, куда пристроить это мое дитя трехлетней работы. Если «Весы» не будут выходить в 1906 (это очень вероятно), все мои мечты, разумеется, обращены к «Вопросам». Можете ли Вы сообщить мне от лица редакции, желают ли «Вопросы» в принципе получить мой роман. (Разумеется, прочтя первые главы в рукописи, они могут переменить решение). И если да, то каковы условия журнала в будущем году для такого рода произведений? Простите, что затеваю переговоры так заранее, но очень уж многого стоит мне мой роман, и я не могу не относиться к нему с преувеличенной заботливостью.

Ваш Валерий Брюсов

Театр «Студия» прекращается ввиду революционных дней. Но часть труппы, с В.Э. Мейерхольдом, намерена на свой страх давать спектакли.

XXX

29 окт. 905

Дорогой Георгий Иванович. Не подой-

дут ли прилагаемые стихи сборнику «Огни» (если он все еще предполагается). Впрочем, стихи эти непременно войдут в мою книгу.

Я писал Вам несколько раз до и после взрыва революции. Очень прошу, откликнитесь.

Ваш Валерий Брюсов

XXXI

30 октября 905

Дорогой Георгий Иванович. Оказалось, что стихи «Довольным», которые я послал Вам вчера для «Огней», К.Д. Бальмонтом, без моего ведома, уже переданы в газету «Новую жизнь». Во избежание разных недоразумений прошу не включать их в «Огни» (да уместнее им быть в газете). А я взамен тотчас вышлю совсем готовое, гораздо более значительное стихотворение «Слава толпе»[37]

Ваш Валерий Брюсов

XXXII

1 ноября 905

Дорогой Георгий Иванович. Видимо, Ваши письма действительно не доходят до меня.

Это – седьмое, на которое я еще не имею ответа. Вчера получил Вашу телеграмму и ответил на нее «можно», т. е. можно печатать в «Вопросах жизни» (так) «Мятеж» Верхарна, «Лик медузы» и «Знакомую песнь»[38]. Но мне не хотелось бы печатать «К близким» – это стихотворение утратило свое *raison d'etre* («смысл существования» (фр.)). В «Знакомой песне» я желал бы исправить последнюю строфу так:

*Я, быть может, богомольней,
Чем другие, внемлю ей,
Не хваля на колокольне
Неискусных звонарей.*

и поставить внизу дату «Август 1905» (показывающую, что стихи написаны до революционного октябрьского взрыва, когда «звонари» показали гораздо больше искусства); а под «Ликом медузы» подобно этому следовало бы пометить «Сентябрь 1905». Но, если делать эти поправки уже поздно, я на них не настаиваю.

Получили ли Вы «Довольным» и затем просьбу этих стихов не печатать? «Славу толпе» надеюсь выслать Вам сегодня: надо лишь

переписать. Жду ответа о моем романе.

Ваш Валерий Брюсов

P.S. А что мои другие переводы из Верхарна? Интересуюсь их судьбой безмерно.

XXXIII

905

Дорогой Георгий Иванович. Для «Огней» вышлю Вам сегодня же два стихотворения, которые, кажется мне, соответствуют цели сборника. Это – из числа уже совсем обработанных. Если успею, позднее присоединю еще одно.

Корректуры вышлю одновременно. Поправок, сколько-нибудь значительных, делать не буду.

Ваш Валерий Брюсов

XXXIV

1905

Дорогой Георгий Иванович. Благодарю Вас за сообщения: конечно, сохраню их в тайне. Позвольте мне рассчитывать, что я буду считаться сотрудником «Огней», если они осуществятся. Их краткое исповедание веры мне

очень по душе. Судя по Вашему письму, сборника «Огни» более не предполагается. Поэтому я помещаю «Юлия Цезаря» в своей книге. Помещаю также и «Лик медузы», книга выйдет лишь в декабре, т. е. позже двойной книжки «В. ж.».

«Весы» будут выходить в 906, – это решено уже окончательно. Они расширяются в общелитературный журнал. Я отдаю туда свой роман. Но в редакционных делах участвовать не буду.

Очень прошу, не оставляйте меня без литературных новостей из Петербурга. Все «собираюсь» в ПБ., но много дела и здесь. Примыкаете ли Вы к какой-либо политической партии, определенно? Я не могу решительно, хотя состою «членом-соревнователем» союза рабочих печатного дела, комитет которого трогательно принял меня и К.Д. Бальмонта в члены единогласно «за литературные заслуги». Осколки труппы театра «Студия» в единении со мной затевают «политический театр». Можно сделать нечто стоящее внимания. Что Минский? Как Минский? Почему Минский?[39] – Вы лучше знаете, напишите.

Ваш Валерий Брюсов

XXXV

19 марта 1906 г.

Дорогой Георгий Иванович. Ваше предложение[40] о переводах Верхарна и очень лестно, и соблазнительно, но я не могу на него согласиться.

Душа моя осталась верной... т. е. «Скорпиону». Конечно, «больших» денег он не даст и не может дать, но здесь я у себя дома. Издание начинаю уже. А Ваших «Зорь» жду с большим любопытством и нетерпением. Также жду и «Факелов». Буду писать об них подробно в «Весах» или «Слове», а может, и там и тут, если такое совместительство окажется возможным. Мечтательства о журнале хороши, но что же мечтательства! Орел в небе. Вяч. Ив., видимо, остался в обиде на меня. Уехал, не сказав прощального слова. Я его люблю неизменно, но его сибилла «в раздранных ризах» мне далеко не по сердцу. Прошу, не оставляйте меня без вестей о себе.

Всегда Ваш Валерий Брюсов

XXXVI

Дорогой Георгий Иванович. Спасибо за присылку «Факелов»[41]. Получил два экз. – простой и роскошный. Давно прочел очень внимательно. «Украшение» сборника – «Балаганчик». Очень хорошо все Вяч. Иванова. Л. Андреев недурен. Остальное, в том числе и мои стихи, мне совсем не по душе. Какая-то тенденциозная беллетристика во вкусе загубленного «Русс, богатства». Напишу статью о «Факелах» в общем отрицательную, и потому только одну – в «Весах». В «Слове», как раньше предполагал, писать не буду. Надеюсь на дальнейшие, более удачные «Факелы». Слышал, что Вы вступаете в редакцию «Адской почты». Радуюсь за нее.

Всегда Ваш Валерий Брюсов

Видел рецензии о «Современности» и «Зорях» – только.

XXXVII

19 июня 1906

Дорогой Георгий Иванович. К сожалению Ваша статья о X сборнике «Знания» не может идти в «Весах». Во-первых, в печатающемся

июньском N уже есть заметка об этом сборнике. Во-вторых, взгляды редакции «Весов» на драму Л. Андреева слишком разнятся от Ваших. Мы считаем «К звездам» безусловно не удавшейся, просто плохой вещью. Те методы, с какими Вы приступаете к ее анализу, пригодны только для истинно-художественного произведения[42], каким «К звездам» ни в коем случае признано быть не может. Это сцены – мертворожденные, ходульные, шаблонные, доказывающие – по-видимому, однажды навсегда, что Андрееву не следует братья за писание драм, как и стихов.

Этот наш ответ, разумеется, несколько не меняет нашего отношения к Вашему сотрудничеству в «Весах», которое по-прежнему очень и очень желательно. Присылайте и те Ваши стихи, о которых Вы говорите. Однако примите во внимание, что скоро они напечатаны быть не могут, при системе, принятой в «Весах», посвящать каждую книжку одному поэту.

Я понимаю, что Вы и Вяч. Ив. не согласны с моей заметкой о «Факелах»[43], но я нелицеприятно писал, что думал и поныне думаю.

В «Факелах» помещались создания искусства или нет? Если да, то там не место вещам, оскорбляющим художественное чувство (всей прозе, исключая Л. Андреева, и стихам-пародиям А. Белого). Если нет, если «Ф» хотят только под флагом искусства вести проповедь революции, там не место «декадентам», которые прежде всего отстаивали и будут отстаивать свободу творчества. Вяч. Ив. пишет, что в «Ф» совершается устремление «декадентства» от уединения к соборности. Пусть не совершается оно по пути потакания низменным вкусам «толпы».

Этим определяется и мой ответ на Ваше доброе приглашение участвовать в III т. «Ф». Если редакция «Ф» возводит эстетическую неразборчивость в принцип, мое сотрудничество невозможно. Если же помещение произведений антихудожественных произошло «случайно» или в силу того, что редакция иначе, чем я, оценивала их художественное значение, — я конечно готов и рад появиться на одних страницах с Вяч. Ивановым, с Вами, с Ф. Сологубом. Что касается «Адской п.» [44], вряд ли я могу ей быть полезен. Она реши-

тельно становится журналом сатирическим, а в себе я вовсе не нахожу дарований сатирика и юмориста.

Сердечно Ваш Валерий Брюсов

XXXVIII

25 июля 1906 Москва

Дорогой Георгий Иванович. Вот Вам мое – «чистосердечное признание» в ответ на Ваше истинно дружеское письмо. Я люблю Вас, очень люблю. Этим я хочу сказать, что, как человек, как личность, Вы мне очень нравитесь, очень дороги, очень желанны (не могу найти вполне подходящего слова). Но – странно: все, что Вы пишете, мне большей частью бывает не по сердцу. И, как писателя, я Вас скорее не люблю. Из этого возникает моя «несправедливость», как критика. Когда я начинаю писать статью о Вашей новой книге, о Вашем новом произведении мне, по чисто дружескому расположению к Вам, всегда хочется сказать что-либо Вам желанное. Но некий внутренний голос тотчас говорит мне: искренен ли ты? ведь данное произведение тебе не нравится. Как же ты хочешь

хвалить его в угоду своим личным отношениям?

И вот, боясь быть лицеприятным, я впадаю в другую крайность – я отношусь к Вашим вещам строже, враждебнее, чем отнесся бы, будь Вы моим личным врагом. Так было, когда я критиковал «Кремнистый путь»[45], так было, когда я разбирал «Факелы». Постараюсь всячески избежать этого, разбирая Вашу последнюю книгу[46]. Но в моих отношениях к ней есть все то же непобедимое противоречие. Совершенно определенная дружелюбность к Вам, как к Георгию Чулкову, которого я знаю, как к цельной личности, и в этом смысле, как «к зачинателю „Факелов“», борется во мне со столь же определенной враждебностью и к высказываемым Вами идеям, и к той форме, в которой Вы их высказываете. Вы мне нравитесь, поскольку Вы *natura natwans* (Природа творящая, порождающая (лат.)), – Вы мне не нравитесь, поскольку Вы себя проявили, поскольку Вы *natura naturata* (Природа сотворенная, порожденная (лат.)). Таков вывод искреннего и добросовестного анализа моих чувств к Вам и к Ва-

шим книгам. Я должен был предпринять этот анализ для себя, чтобы уяснить самому себе свое отношение к Вам, а после Вашего дружеского письма считаю своим долгом пересказать об этих выводах – Вам.

Вы зовете меня в «Факелы». Повторите ли Вы этот зов после этого письма? Лично мне хочется быть вместе с Вами и вместе с Вяч. Ивановым. Но я решительно не разделяю взглядов, высказанных в книге о неприятии мира и о мистическом анархизме. С этими взглядами, поскольку я критик, поскольку я теоретик, я буду бороться. Мыслимо ли после этого мое участие в «Факелах» как художника? Не знаю.

Только что сегодня утром вернулся из Швеции. Читал книгу на пароходе во время сильной бури. Если письмо мое бессвязно, объясните это усталостью с пути. До сих пор пол моей комнаты качается кругом, словно палуба парохода.

Сердечно Ваш Валерий Брюсов

XXXIX

906, окт.

Уважаемый и дорогой Георгий Иванович. Из стихотворений, присланных Вами, «Весы» могут воспользоваться в одном из первых №№ 1907 г. пьесой, посвященной Г. Понтеру: «Я на темных полях»[47]. Остальные остаются в Вашем распоряжении.

Сердечно уважающий Вас Валерий Брюсов

XL

1906, окт.

Уважаемый и дорогой Георгий Иванович. В нашем московском «Литературно-художественном кружке» возобновляются «вторники». Есть надежда, что они будут идти пристойно. При обсуждении возможных докладов, мы вспомнили, что у Вас есть готовый труд: Анархические идеи в драмах Ибсена[48]. Не согласились ли бы Вы сделать на эту тему доклад у нас? Размеры доклада: около часу устного чтения. Условия: возмещение Ваших расходов по приезду в Москву в размере 100 рублей. Я буду в Петербурге в скором времени, и о подробностях мы могли бы переговорить лично. Пока же хотелось бы иметь прин-

ципальный ответ. Не можете ли Вы дать его телеграммой на мое имя с тем расчетом, чтобы я мог доложить эту телеграмму на заседании нашей комиссии в понедельник. Слово «нет» пусть означает Ваш отказ. В случае согласия, желательно знать ближайший срок, когда Вы можете сделать доклад. Слова «Согласен октябрь» я приму за Ваше согласие прочесть реферат еще в октябре. – «Согласен ноябрь» в ноябре и т. д.

Уважающий Вас Валерий Брюсов

XLІ

8 ноября 1906

Многоуважаемый Георгий Иванович. Согласно Вашей телеграмме я записал Вас докладчиком на вторник 14 ноября в нашем Московском литературно-художественном кружке. Если Ваши намерения не изменились, очень прошу немедленно выслать нам (или на мое имя, или в Кружок на имя В.В. Каллаша) тезисы Вашего доклада[49], а также сообщить, когда Вы приезжаете в Москву и где остановитесь. К.И. Чуковский, читавший в Кружке вчера, говорил нам, однако,

что может быть Вы не найдете возможным читать 14-го. Этим Вы поставите нас в положение затруднительное, если только не найдете себе заместителя. Таким заместителем мог бы быть Е. Аничков, который говорил мне, что у него уже есть готовый доклад, и А. Волынский или М. Волошин. Так как Вы дали нам обещание занять вечер 14-го числа, то было бы справедливо, чтобы Вы хлопотали о своем заместителе, и я очень просил бы Вас, чтобы Вы известили телеграммой, кого нам ждать в этот день. Необходимо также, чтобы докладчик немедленно выслал нам тезисы своего реферата. Для Вашего же чтения, если Вы не приедете 14, может быть предоставлен или следующий вторник 21-го, или вторник 19 декабря.

Сердечно уважающий Вас Валерий Брюсов

P.S. Условия чтения я Вам сообщал: кружок возмещает расходы по приезду в Москву в размере 100 руб.

XLII

19 янв. 907

Дорогой Георгий Иванович. Во время нашей краткой беседы в Литературном кружке был я внутренне занят совсем не тем, о чем мы говорили, и поэтому отвечал довольно бессвязно на некоторые Ваши нападки. Мне хочется, пользуясь правами прежней нашей приязни, несколько обобщить, оформить мои тогдашние слова.

Вы сомневаетесь, что у «Весов» могут быть «враги слева». Но вспомните Ваши собственные слова о «Весах»: – «Согласитесь, В.Я., что „Весы“ – орган реакционный». Ведь вы говорили именно о литературном направлении «Весов» (ибо общественности «Весы» почти не касаются, а если касаются, то большей частью не в духе реакционеров, см. статьи Мережковского, Белого). Но эта Вами утверждаемая реакционность «Весов» не предполагает ли необходимо существование каких-то отношений к «Весам» – революционеров, т. е. именно «врагов слева».

Есть периоды в искусстве, когда старые преграды разрушены и новые пути проложены. Не о завоевании еще новых стран надо тогда думать, а о том, чтобы прочно обосно-

ваться в занятой земле, сделать ее в такой же мере своим достоянием, как давние владения души. Это периоды, когда творят Софоклы, Рафаэли, Расины, Гёте (второй поры деятельности), Пушкины... И это все – не люди, повторяющие уже сказанное, но завершители. «Декадентство» и «символизм» и «новая поэзия», все эти школы – умерли (ибо нормальная истина живет, ну, лет 17, 18, самое большее 20), но то живое, что было в этих школах, теперь-то и должно дать свой росток. Простите обычное сравнение, но именно так из умершего семени вырастает стебель. Растение бывает совсем не похоже на свое семя, но вырастает оно из него. И когда колосятся нивы, время ли опять ехать с плугами?

Периоды, о которых я говорю, – это периоды, когда основываются Академии и утверждаются их правила, которые позднее становятся узами и путами, но в свое время являются и крыльями в полете, и вехами на пути. Нет сомнения, что каждой Академии наступит час, когда она должна быть разрушена для всех правил, когда они должны быть отвергнуты, для Рафаэлей, Гёте и Пушкиных –

когда они должны быть осмеяны. Но истинные создатели все-таки они, «академики», а не деятели Sturm und Drang'a (Бури и Натиска (нем.)). В свой час, падая, Цезарь спокойно закроется плащом, но Империя создана Цезарем, а Бруты работают лишь для Августов. И наши враги все те, которые не хотят принять нового закона, новых заветов искусства, новой Академии – потому ли, что это новое для них еще слишком ново, или потому, что оно уже кажется им старым. Первые – это прошлое, вторые – будут будущим, но *Der Lebende hat recht* (Живые правы (нем.)).

Сознаю, насколько увлекательнее роль вечного завоевателя, вечного «кочевника красоты» («Разве есть предел мечтателям»), но, подчиняясь мигу истории, говорю, как легендарный римский легионер: *sta, miles, hic optime manebimus.*

Ваш Валерий Брюсов

XLIII

30 апр. 1907

Милостивый государь Георгий Иванович. М.Ф. Ликиардопуло[50] уже известил Вас,

что по Вашему желанию[51] имя Ваше из списка сотрудников «Весов» вычеркнуто.

К сожалению, не могу разделять Вашего взгляда на Вашу «критическую заметку» в «Перевале» о моей книге, ибо меньше всего вижу в этой заметке критики. Особенно меня удивило, что Вы позволили себе прием, совершенно недопустимый в литературе: привели несколько слов из моего частного письма к Вам[52]. Я хотел даже по этому поводу написать письмо в редакцию «Перевала», но это значило бы придавать Вашей заметке больше значения, нежели она имеет.

Участвовать в Вашем альманахе, «по понятным Вам причинам», не желаю.

С совершенным почтением Валерий Брюсов

Сноски

Клара Борисовна Розенберг (ум. 1926), лично знавшая и меня и В.Я. Брюсова, взяла на себя хлопоты по отправке книг сосланным в Сибирь по делу «об организации политической демонстрации в городе Москве в феврале месяце 1902 года». Я в это время жил в Амге, в Якутской области, на расстоянии трех тысяч верст от железной дороги.

[^^^]

«Монна Ванна» – М. Maeterlinck. «Монна
Vanна». Piese. Paris(М. Метерлинк. «Монна
Ванна». Пьеса. Париж (фр.)). 1902.

[^^^]

Книга Верхарна, о которой упоминает Брюсов, – «Les Forces tumultueuses» («Буйные силы» (фр.)).

[^^^]

Александр Семенович Яценко, юрист, оставленный тогда при Московском университете. Он был по недоразумению привлечен по делу московского студенческого Исполнительного комитета в начале 1902 года и сослан в Сибирь, но вскоре был возвращен оттуда. Весною 1903 года Яценко жил в Париже и занимался там по своей специальности – международным правом. Впоследствии он защитил магистерскую и докторскую диссертацию и занимал кафедру философии права в Юрьеве, а потом и в Петербурге (ныне Ленинграде).

[^^^]

Моя статья «Светлеют дали», о которой в этом письме сообщает Брюсов, была напечатана в мартовской книжке «Весов» за 1904 год. Эта юношеская статья, которую я не решился перепечатать ни в одном из своих сборников, была исполнена странного – на мой теперешний взгляд – оптимизма. «Мы теперь накануне великих откровений, – писал я в конце этой статьи, – природа человеческая утончается. То, чего раньше мы не видели, пламенеет красками. Мы чуем на своем лице прикосновение теней...» «Мы делаемся причастными величайшему прозрению, отвергая те пути познания, по которым следовало заблудившееся человечество». Этот наивный патетизм вполне, впрочем, соответствовал настроениям тогдашних представителей «нового искусства». Брюсов писал в первом номере тех же «Весов»: «Ныне искусство, наконец, свободно». И далее: «Пусть же современные художники сознательно куют свои создания в виде ключей тайн, в виде мистических ключей, растворяющих двери из его „голубой тюр-

мы“ к вечной свободе». Подобный же пафос мы находим и в статьях других авторов, которые уснащали свой стиль такими, например, изысканностями: «Знойные потоки солнечной светозарности омывают нас вечной лаской, когда раздаются звучные строки о том, что мы „будем как солнце“. Орлиный взлет к обаятельному томлению июльских дней и к печали пожарных закатов...» и т. д. В Петербурге был не в моде этот приподнятый и восторженный стиль.

[^^^]

Признание Брюсова, что он и его соратники по «Весам» вовсе не символисты, чрезвычайно любопытно и выражено с достаточной определенностью: «мы ни в коем случае „символистами“ себя не считаем». Что касается самого Брюсова, то это заявление совершенно точно, и понимание его как символиста было основано на недоразумении. Если его трудно причислить к символистам в том смысле, в каком этот термин принимался школою французских символистов, то уже совершенно невозможно считать его символом в более глубоком смысле, присоединяя его имя к именам Тютчева, Влад. Соловьева или Фета.

[^^^]

Выражение Бодлэра «Le gout de l'infini» («Вкус вечности» (фр.)) взято из его книги «Paradis artificiels».

[^^^]

Дмитрий Владимирович Философов был в это время официальным редактором «Нового пути».

[^^^]

Серп Алекс. Поляков – издатель «Весов»
и «Скорпиона».

[^^^]

«Поручение» заключалось в том, что я просил Брюсова возложить от редакции «Нового пути» венок на могилу А.П. Чехова.

[^^^]

«Гниль» – повесть Вацлава Берента. Она печаталась в «Новом пути» с заглавием «Гниение» – по-польски «Prochno», в переводе В. Высоцкого.

[^^^]

Об истории «Кинжала» см. мои воспоминания. Журн. «Искусство». М., 1925. N 2, стр. 241–256. Письмо Брюсова ко мне, в котором он высказывает опасение, как бы пресса не истолковала опубликование этого стихотворения как уступку духу времени, утрачено: часть моего архива погибла вместе с библиотекою в 1920 году в Царском Селе (ныне Детском Селе). – «Кинжал» был напечатан в «Новом пути» в октябрьской книжке за 1904 год по рукописи 1901 года.

[^^^]

Зинаида Николаевна Гиппиус передала в редакцию «Вопросов жизни» перевод «Ворона», сделанный Брюсовым, и этот перевод был напечатан в январской книжке журнала.

[^^^]

Стихотворение «Ахиллес у алтаря» («Знаю я, во вражьем стане...») было напечатано в мартовской книжке «Вопросов жизни».

[^^^]

Мирэ – Александра Михайловна Моисеева (1874–1913), сотрудница «Вопросов жизни», «Перевала» и др. изд., автор небольших новелл. Первая ее книжка «Жизнь» вышла в Нижнем Новгороде в 1904 году (о ней рецензия А.А. Блока в «Вопросах жизни», 1905, N 7). Вторая книжка «Черная Пантера» вышла в Москве, в изд. «Гриф». Некролог П. Юшкевича в газете «День» 9 декабря 1913 г. и некролог Семена Юшкевича в «Одесских новостях», 1913, 13 декабря.

[^^^]

По-видимому, Валерий Брюсов говорит здесь об одном из утраченных ныне его писем ко мне.

[^^^]

Переводы песен Метерлинка были первоначально напечатаны в июльской книжке «Нового пути» за 1904 г. В 1905 году они вышли в Москве в изд-ве В.М. Саблина с рисунками Шарля Дудлэ. Эти переводы вошли и в IV сбор, моих сочинений, изданных «Шиповником».

[^^^]

Рецензия Вяч. Иванова появилась в июльском номере «Весов» за 1905 год. В том же номере Брюсов напечатал свою обстоятельную статью по поводу моих переводов и присоединил образцы своих переводов тех же метерлинковских песен.

[^^^]

Н.И.С. – Нина Ивановна Соколова. (Нина Петровская), беллетристка, сотрудница «Перевала» и некоторых других изданий. Умерла в Париже в 1928 году.

[^^^]

«Зори» Верхарна были напечатаны в моем переводе в одиннадцатом сборнике «Знания».

[^^^]

Статья Брюсова «Фиалки в тигеле» была напечатана в июльском номере «Весов» за 1905 год.

[^^^]

Д.С. – Дмитрий Сергеевич Мережковский.

[^^^]

В сентябрьской книжке «Вопросов жизни» было напечатано три стихотворения Брюсова – «Одному из братьев», «Грядущие гунны», «К счастливым». К циклу этих пьес было сделано примечание от редакции: «Три стихотворения Валерия Брюсова, также посвященные современности, – „Близким“, „Знакомая песнь“ и „К ним“ – мы не могли поместить в этом номере по не зависящим от редакции обстоятельствам».

[^^^]

Брюсов пишет о своем стихотворении «Знакомая песнь». Оно было напечатано в N N 10–11 журнала, вышедшего тогда уже без предварительной цензуры. Запрещенная строфа читается так:

*Это колокол вселенной
С языком из серебра,
Что качают миг мгновенный
Робеспьеры и Мара.*

[^^^]

А.М. – Александра Михайловна Моисеева. См.
письмо X-е.

[^^^]

Относительно А.С. Яценко см. примечание четвертое (второе письмо).

[^^^]

Статья «Фиалки в тигеле». См. прим. 21 (шестнадцатое письмо).

[^^^]

Насколько я припоминаю, редакция «Вопросов жизни» предложила Брюсову выбросить последнюю строфу стихотворения, которая читалась так:

*И снова все в веках, далеко.
Что было близким наконец –
И скипетр Дальнего Востока,
И Рима третьего венец.*

[^^^]

Все четыре стихотворения появились в «Вопросах жизни» N N 10–11. Этот двойной номер вышел без цензуры «явочным порядком».

[^^^]

И сопровождающее их, довольно важное письмо.

[^^^]

Мое сообщение о запрещении цензурою трех стихотворений Брюсова.

[^^^]

В «Гуннах» цензура вычеркнула строфу:

*Поставьте, невольники воли,
Шалаши у дворцов, как бывало,
Всколосите веселое поле
На месте тронного зала.*

[^^^]

Заглавие «Из современности» удалось сохранить.

[^^^]

В неосуществившемся сборнике «Огни» должны были участвовать: Валерий Брюсов, Бор. Зайцев, Вяч. Иванов, Ив. Новиков, А.М. Ремизов, Ф. Сологуб и др. Об этом сборнике было объявление в девятом номере «Вопросов жизни». Вместо «Огней» вышел другой сборник «Факелы».

[^^^]

«Вопросы жизни» прекратились в 1905 году.

[^^^]

Роман, над которым тогда работал Брюсов, – «Огненный ангел».

[^^^]

Это пятое письмо (Сообщаю потому, что не совсем верю почте).(В.Б.)

[^^^]

Об этих трех пьесах см. примечание 29-е.
Все три пьесы появились в двойном номере
(октябрь – ноябрь) «Вопросов жизни».

[^^^]

Брюсов недоумекает, каким образом Минский, автор мистического учения о мэонизме, оказался во главе социал-демократической газеты «Новая жизнь».

[^^^]

Насколько я припоминаю, здесь идет речь об издании переводов Верхарна, которое мне предложило какое-то петербургское издательство, а я – кажется – хотел передать это предложение Брюсову.

[^^^]

«Факелы». Книга первая. СПб., 1906. В сборнике приняли участие – Вячеслав Иванов, Федор Сологуб, Валерий Брюсов, Александр Блок, Андрей Белый, Сергей Городецкий, П.С. Соловьева, Ив. Бунин, Леонид Андреев, Конст. Эрберг, А. Ремизов, Л. Зиновьева-Аннибал и др.

[^^^]

Моя рецензия на 10-й сборник «Знания» утрачена, и я не помню, как и что я писал о пьесе Леонида Андреева. Возможно, что в 1906 году я написал об Андрееве более сочувственно, чем он того заслуживал.

[^^^]

Заметка о «Факелах» появилась в майском номере «Весов» (1906, N 5) за подписью – Аврелий. Брюсов рассматривает сборник «Факелы» как попытку создать новую «литературную школу». Навязав редакторам «Факелов» это задание, которого они вовсе не имели в виду, автор заметки удивляется, почему в «Факелах» появились писатели разных литературных направлений. В «Факелах» в самом деле были напечатаны произведения не только самого Брюсова, Федора Сологуба, Андрея Белого, Александра Блока, Вячеслава Иванова, но и таких писателей, как Ив. Бунин, П.С. Соловьева, Леонид Андреев... «Кто пользуется старыми мехами, – пишет Брюсов, – не заставляет ли заподозрить, что вино у него не очень новое?» – Любопытно, что за исключением двух-трех имен почти все «опороченные» Брюсовым писатели были также участниками «Северных цветов», альманаха, который выходил под его редакцией.

...«Программа „Факелов“ – по словам Брю-

сова – не только нежизнеспособна, но и невыполнима совершенно. Она в сущности отвергает всякое искусство. Если смело идти до последних выводов в отрицании „внешних обязательных норм“, придется отрицать и существующие формы литературных произведений как данные извне. Формула „Я мира не приемлю“ выбрасывает за борт весь материал художественного творчества: весь мир»... «Конечно, при таком толковании „непримение мира“ превратилось в политическое революционерство»...

В следующем июньском номере «Весов» (1906, N 6) появился ответ Брюсову, написанный Вячеславом Ивановым «О Факельщиках и других именах собирательных»: «С изумлением, – пишет Вяч. Иванов, – прочли мы, „Факельщики“, что сообщает о нас Аврелий. Много неожиданного узнали бы мы о себе из этих сообщений и, конечно, радовались бы, что нам открылся новый источник самопознания, если бы общий закон человеческого познания не ставил условием усвоения преподаваемых идей – присутствие в них логической связи»... «В недоумение поверг нас обыч-

но чуждый алогизма и аффекта Аврелий. Прежде всего мы узнаем от Аврелия, что образуем новое течение в литературе, до известной степени новую литературную „школу“. Что же, однако, – „течение“ или „школу“? Ведь это не одно и то же. „Новый путь“, например, представлял некоторое течение религиозно-философской мысли в литературе; но можно ли сказать, что „Новый путь“ был новой литературной школой?.. Ис „Факельщиками“ Аврелию лучше было бы сначала условиться, притязают ли они быть новой литературной „школой“... – Тогда бы он с своим алогическим вопросом: каков ваш эстетический принцип? Назовите основоположительные творения вашей художественной школы и т. д., – не оказался жертвою комического *qui pro quo* (Недоразумение (фр.)). Я говорю „комического“, потому что с этими вопросами он обращается к своим же собратьям по „Весам“ и потому, что требует „новых имен, новых сил“, долженствующих будто бы ознаменовать собою новое начинание»... «Но, во-первых, я – скорее новое, чем старое „имя“, во-вторых – данная идея родилась в мо-

ей голове, поскольку она не стара, как богоробствующее человечество, как Иов, или, по крайней мере, как Иван Карамазов, в-третьих – недаром же мое стихотворное вступление к „Факелам“ имеет эпиграфом строки из моей первой книги лирики. Кто читал ее, знает тот круг моих идей, который делает меня своим среди „Факельщиков“. О Г. Чулкове, зачинателе „Факелов“, можно сказать то же самое: он – „новое имя“. Факелы с точки зрения художественной школы эклектичны – открыто и прямо...»

[^^^]

В журнале «Адская почта» я только числился ближайшим сотрудником. В редакции я никакого участия не принимал и не печатал там ни одной строки.

[^^^]

Книга «Кремнистый путь» вышла в издательстве В.М. Саблина в 1904 году. Я жил в это время в Нижнем Новгороде. Незадолго до выхода этой книжки я послал в рукописи свои стихи Брюсову. Валерий Яковлевич в письме дал о них свой отзыв, весьма суровый, но, пожалуй, справедливый. К сожалению, это письмо утрачено. В нем, между прочим, он признается, что некоторые мои строки и строфы он «повторяет неустанно», но совершенных стихотворений у меня, по его мнению, почти нет.

И в самом деле он указывал на целый ряд технических промахов и недостатков. Вместо того чтобы скромно признать справедливость критических замечаний старшего собрата, я ответил Брюсову заносчиво и высокомерно и послал ему стихотворение «Поэту», где были злые строки по его адресу – «Поэт сомнительный разрушенных могил...». Эта бестактность не могла не раздражить В.Я. Брюсова. Он напечатал в первом же номере «Весов» очень резкую рецензию на мою юношескую книгу, действительно формально плохую.

Впрочем, рецензия оканчивалась осторожной фразой: «Георгий Чулков не безнадежен. Может быть, он будет поэтом...». Эта рецензия появилась за подписью – Аврелий. См. «Весы», 1904, N 1, стр. 70–71.

[^^^]

«Последняя книга», о которой пишет Брюсов, – моя книга «О мистическом анархизме» со вступительной статьей Вячеслава Иванова «О неприятии мира». Она была издана издательством «Факелы» в Петербурге в 1906 году.

[^^^]

Стихотворение «Я на темных полях до рассвета блуждал...» я взял из «Весов» и напечатал его в журнале «Перевал», без посвящения Гюнтеру. Почему я снял посвящение Гюнтеру, не помню.

[^^^]

Книжка «Анархические идеи в драмах Ибсена» была издана из-вом «Шиповник» в 1907 году.

[^^^]

Мой доклад в кружке, если не ошибаюсь, назывался «Об утверждении личности».

[^^^]

М.Ф. Ликиардопуло – секретарь «Весов».

[^^^]

Мною было послано в середине апреля 1907 года письмо в «Весы» с просьбою вычеркнуть мое имя из списка сотрудников.

[^^^]

Упрек В.Я. Брюсова на этот раз был неоснователен: никакого разоблачения частной переписки я не делал. В моей рецензии встречается только одна латинская фраза, которую действительно Брюсов употребил в своем письме ко мне от 19 января 1907 года, но эта фраза никак не может быть отнесена к категории чего-нибудь интимного, на что Брюсов как будто намекает, называя мою цитату «приемом, совершенно недопустимым в литературе». Что касается моей рецензии, то по существу она была весьма жестока и прозвучала неожиданно, ибо тогда Брюсов считался «безупречным» и его, не смущаясь, именовали вторым Пушкиным. Эта моя рецензия на книгу рассказов Брюсова «Земная ось» была напечатана в «Перевале», 1907, N 4, стр. 64–65. Я тогда писал: «Новая книга Валерия Брюсова – итог десятилетней работы. Она свидетельствует о похвальном трудолюбии автора. Впрочем „Земная ось“ художественной ценности не представляет никакой. По справедливому признанию самого Брюсо-

ва, все рассказы в этой книге являются подражаниями то Эдгарду По, то Анатолю Франсу, то Пшибышевскому... Нельзя только согласиться с мнением автора, что „даты, поставленные под рассказами“, показывают, что в его „опытах“ есть „движение вперед“. Начать с подражания гениальному Эдгарду По и кончить подражанием вульгарному Пшибышевскому: это ли движение вперед?

Но, несмотря на художественное бессилие этой книги, она представляет значительный интерес. „Земная ось“ любопытный психологический документ. Подобно тому как кассовая книга разорившегося банкирского дома своими мертвыми цифрами говорит сердцу о тайной драме, о крушении какой-то большой нелепой постройке, созидавшейся годами, так и „Земная ось“ напоминает нам о крушении некоторого мирозерцания. Банкротство уединенной души – вот итог десятилетней работы.

Теперь, когда Брюсов сам себя увенчал „Венком“, когда заслуги его оспаривают только захолустные провинциалы, когда кадеты и „кадеты“ знают и любят его стихи, своевре-

менно не только восхвалять его дарование, но и откровенно говорить об отрицательном значении этого писателя как представителя известного мирозерцания. Это мирозерцание определяется как ложный индивидуализм, т. е. такой „индивидуализм“, который по своей религиозно-философской слепоте мечтает утвердить себя вне общественности. Отсюда – бескровность, бездушие и реакционность того „искусства“, которое связывает себя с этим внешне понятным индивидуализмом. Отсюда и близость такого искусства к тому механическому началу, к той ренегилевской эквилибристике и неумной пшибышевщине, которые так милы сердцу европейского мещанина-эстета. „Земная ось“ – книга механическая по преимуществу. Ее части так же механически крепко сделаны, как железные брусья башни Эйфеля. И вот теперь, вместо того чтобы бежать от кошмара железных брусьев, которые вовсе не пронизывают, как ось, страдающую Землю, а просто глупо торчат на поверхности посреди шумного рынка, Брюсов готов – по-видимому – сказать себе: *Sta, miles, hic optime manebimus!* Разве

„орitime“? Это уж самоубийственно.

Я говорю не столько о литературной школе, сколько о той „религии“, которая скрывается за брюсовской литературой. Я сомневаюсь – впрочем – религия ли это...»

И далее:

«Здесь один только мастер – Смерть. Но это не та Незнакомка, что чаровала и чарует поэтов всех времен, а просто бутафорский мертвец.

С таким разлагающимся спутником-двойником не победишь мира, как Цезарь, а разве только создашь две-три новые башни во вкусе Эйфеля на стогнах купеческого града Москвы.

И какие нестрашные эти башни! Вот Пиранини тоже был пленен мрачной поэзией башен, винтовых лестниц, траурных галерей и темных орудий пыток, – но то был Пиранини: он знал их тайну, ведал их чары...

Что еще поражает в книгах, подобных „Земной оси“, – это – неискушенность их авторов: за „ужасным“ лицом и „наполеоновской“ позой вдруг открывается благонамеренный потомственный почетный гражданин; за гим-

ном „утонченному“ разврату – невинные и скучные грехи обывателя; за „дерзновением мысли“ идейная импотенция.

И это в то время, когда русская литература приближается к Музыке, становится событием, „Нечаянной Радостью“... Искусство порождает действие и действием создается. А московское декадентство все еще живет поверхностным самолюбованием, не ведая Эроса и кокетничая „мрачным“ сладострастием».

[^^^]